

24.191К7

ПАВЕЛ
КУПРИЯНОВСКИЙ

■
**СКВОЗЬ
ВРЕМЯ**

ПАВЕЛ
КУПРИЯНОВСКИЙ

СКВОЗЬ ВРЕМЯ

СТАТЬИ
О
ЛИТЕРАТУРЕ

ВЕРХНЕ-
ВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЯРОСЛАВЛЬ
1972

-- 2010

ПОЭТЫ-ВОИНЫ

Николай Майоров

На мою книжную полку встала книга с лаконичным и броским названием: «Мы». Это сборник стихов Николая Майорова, выпущенный издательством «Молодая гвардия» в 1962 году, через двадцать лет после смерти автора.

Редкая, необычная судьба у этой книги. Ее буквально «по крохам» собирали друзья поэта. При жизни Николая Майоров напечатал всего несколько стихотворений, да и то не в «большой прессе», а в многотиражке Московского университета, где он учился до войны.

В 1948 году редакция «Ивановского альманаха» опубликовала подборку из семи его стихотворений. То были «Творчество», «После ливня», «Торжество жизни», «Баллада о Чкалове», «Весеннее», «Пушкин», «Памятник». Уже эта подборка давала основания видеть в Майорове незаурядного по таланту поэта, так безвременно погибшего. Особенно впечатляло выразительное, строгое по форме стихотворение «Памятник», в котором рассказывалось о гибели летчиков, и утверждалась мысль о бессмертии подвига:

Им не воздвигли мраморной плиты.
На бугорок, где гроб землей накрыли,
Как ощущение вечной высоты,
Пропеллер неисправный положили.
.....
О, если б все с такою жаждой жили!
Чтоб на могилу им взамен плиты,
Как память взятой ими высоты,
Их инструмент разбитый положили
И лишь потом поставили цветы.

Позднее стихи Майорова публиковались в журналах «Знамя», «Молодая гвардия», в сборниках «День поэзии», «День русской поэзии», в ивановской молодежной газете «Ленинец» и в других изданиях. Многие из поэтического наследия Майорова до сих пор не найдено.

Однако и то, что удалось разыскать и объединить в книгу «Мы», являет перед нами настоящего поэта. Поэта, который был скромн и необычайно требователен к себе. Поэта, который обещал стать очень большим. Поэ-

та, голосом которого уже начало говорить поколение его сверстников, чья юность падала на тридцатые годы. У многих из них, как и у самого Майорова, жизнь трагически оборвалась накануне взлета, в тяжкую годину Великой Отечественной войны. Поэт был пророком, когда писал:

Мы были высоки, русоволосы.
Вы в книгах читаете, как миф,
О людях, что ушли не долюбив,
Не докурив последней папиросы.

(Стих. «Мы»)

И о себе он сказал прозорливо точно, что умолкнет «в завтрашнем бою, не коснувшись опоздавшей славы» (стих. «Я не знаю у какой заставы»).

Настоящий поэт — всегда эхо своего времени. И это эхо живет в стихах Майорова. Читая их, невольно вспоминаешь, что ты его ровесник, что ты многое переживал точно так же, как и он. Переживал, но не умел выразить. А вот он сказал — «весомо, грубо, зримо», — потому что он был поэт. И еще, потому что он был мудрее и духовно старше нас.

В предвоенной поэзии я не припомню (а я был внимательным ее читателем) таких глубоких по силе поэтического обобщения стихов, властно говорящих от лица молодого поколения, как стихотворение Майорова «Мы», написанное в 1940 году. Это программное стихотворение — поэтический портрет нашей юности, устремленной к созиданию, к творчеству, к любви, к распахнутому настежь миру:

Мы жгли костры и вспять пускали реки,
Нам не хватало неба и воды.

.....

Мы брали пламя голыми руками.
Грудь раскрывали ветру. Из ковша
Тянули воду полными глотками
И в женщину влюблялись не спеша.

В стихотворение органически вошла тема мужества и испытаний. Еще впереди была великая война, а поэт ее предчувствовал и, улавливая грядущий гул истории, в литых, как металл, строках писал о том, что люди его поколения прошли по земле «с обугленными ртами», и «мужество, как знамя, пронесли»; они совершили подвиг гуманизма — и о них «прошла всесветная молва».

И как бы ни давили память годы,
Нас не забудут потому вовек,
Что, всей планете делая погоду,
Мы в плоть одели слово «Человек»!

Поэт Павел Антокольский в предисловии к сборнику верно заметил о Майорове: «Он увидел как бы со стороны самого себя и поколение, к которому принадлежал, увидел исторически. В этом интерес и своеобразие этих надежно построенных, оправданных военным подвигом строк и строф».

Мне кажется, что если бы Николай Майоров не написал ничего, кроме стихотворения «Мы», то и в этом случае его имени была бы обеспечена долгая жизнь и поэтическая слава. Без его «Мы» трудно представить в будущем любую антологию советской поэзии.

Поэзия Майорова — это лирика высоких чувств, большого поэтического накала и подлинной гражданственности. В ней нет общих мест, голой риторики и бездумного бодрячества, которое — к сожалению и увы! — выдавалось у нас иногда в предвоенную пору за оптимизм. Всем своим раздумчивым строем, прямым и честным взглядом на жизнь, внутренней тревогой и сдержанным мужеством стихи Майорова противостояли этой слишком легковесной поэзии.

Они были по-настоящему жизнеутверждающи. В Майорове жила прямо-таки языческая упоенность бытием. Недаром так часто повторял он слово «первозданность». На правах поэта, художника он как бы заново открывал мир:

И слышу я, как мир произрастает
Из первозданной матери — воды.

(Стих. «Август»)

В нем кипела жажда познания этого мира, родной земли:

Мне двадцать лет. А Родина такая,
Что в целых сто ее не обойти.
Иди землей, прохожих окликай,
Встречай босых рыбаков на пути,
Штурмуй ледник, броди в цветах по горло...

(Стих. «Одесская лестница»)

Истинный поэт не только открывает и познает мир, землю, но нарекает на ней все своими, особыми словами. Майоров настойчиво искал их. Он любил вещные, плот-

ные, земные слова и образы. «Я полюбил весомые слова», — заявляет он в стихотворении «Август». А в стихотворении «Творчество» мечтал

Так передать цвета своей земли,
Чтобы век спустя все так же мяли глину
И лучшего придумать не смогли.

Раздумья Майорова о творчестве, о задачах искусства несут на себе печать зрелости, духовного возмужания. Этим же качеством обладают и его стихи о любви, в которых есть и неподдельная лирика чувств, и тоска по женщине, и возвышенная страсть, и мужское благородство. «Моя любовь — могущество мое!» — вот поэтическая формула любви в стихах Майорова.

При желании можно установить литературную родословную молодого поэта, отыскать в его стихах влияния. Майоров не прошел мимо опыта Маяковского, Павла Васильева, Мандельштама и Антокольского — своего непосредственного учителя по Литературному институту, где он учился параллельно с МГУ. Но у него уже было так много своего, незаемного, что его стихи не трудно отличить среди других. Это «свое» проявилось и в присутствии им чрезвычайно остром чувстве времени, эпохи, и в смелых поэтических образах и формулах, очень емких по содержанию: «Для нас, нескладных и упрямых, жизнь не имела потолка»; «Будь для меня и небом и землей»; «Посвист праздничной травы»; «Ты не вместишь в названье ЛЕНИН вселенский взмах его души» и т. д. Так мог сказать только поэт «милостью божьей»!

«Идти с собой, с своей эпохой вровень», — вот девиз, выдвинутый Николаем Майоровым. Этому девизу он стремился быть верен. Но, как подлинный поэт, он шел не только вровень с эпохой, а и заглядывал в будущее, кое в чем опережая свое время. В нем остро жило чувство «высоты», представление об идеале, которое делало его стихи поэтически крылатыми. Невольно думаешь: как много мог бы он дать нашей поэзии!

Десятки и сотни неразвернувшихся талантов погубила война, вероломно навязанная фашизмом советскому народу. За последнее время стали известны имена ряда даровитых поэтов, творчество которых оборвалось на запеве: М. Кульчицкий, Н. Отрада, П. Коган, В. Кубанев... Среди них Николай Майоров, один из самых талантлив

вых. Стихи погибших поэтов остались в строю советской поэзии, они продолжают жизнь их авторов, они идут в наступление. Отличная книга Майорова «Мы» встала в этот славный ряд и заняла почетное место. С нею пришла к поэту и «опоздавшая слава». Пусть она растет и ширится!

Как дань памяти поэта, в конце заметки хочется привести некоторые биографические сведения о Николае Майорове со слов его отца Петра Максимовича — старого рабочего, ныне пенсионера, живущего в Иванове.

Петр Максимович Майоров — выходец из безземельных крестьян деревни Павликово Гусевского уезда Владимирской губернии. В поисках заработка он часто уходил плотничать, больше всего — в Москву, на стройки. Зимой голодного 1919 года, оставив на прокорм деду младшего сына Алексея, прихватив с собой старшего Ивана, подался он с женой Феодорой Федоровной в поисках хлебных мест. Сошли с товарняка на какой-то станции между Пензой и Сызранью, добрались до деревни Дуровка. Тут и родился будущий поэт Николай Майоров 20 мая 1919 года (д. Дуровка входила в состав Коннадиевской волости Сызраньского уезда Симбирской губернии).

В Павликово вернулись летом. Здесь прошло детство Коли. Здесь он окончил два класса начальной школы. В 1929 году семья Майоровых переехала в Иваново-Вознесенск. Николай закончил начальную школу (в местечке Рылиха) и перешел в 33-ю среднюю школу (ныне школа № 26 им. Д. А. Фурманова). По окончании ее в 1937 году поступил на исторический факультет Московского университета, а через некоторое время еще и в Литературный институт им. М. Горького при Союзе советских писателей. Осенью 1941 года ушел добровольцем на фронт. Погиб 8 февраля 1942 года в Смоленской области. В 1961 году посмертно зачислен в члены Союза писателей СССР.

Таковы краткие вехи жизни Николая Майорова. О нем как о человеке и поэте прекрасно рассказали его друзья: критик Д. Данин, поэты В. Жуков, Н. Глазков, М. Львов, друг студенческих лет И. Пташникова. Их прочувствованные воспоминания напечатаны в книге «Мы», в разделе «Памяти поэта».

По справедливому замечанию Д. Данина, все в жиз-

ни Николая Майорова осталось незавершенным: не любил, не окончил университета, не доучился в Литературном институте, не дождался книги своих стихов... «Но стихи его, сработанные для дальнего полета, продолжают свой рейс: у них сильные крылья — такие, как он хотел».

В нашем сознании Николай Майоров остается как один из талантливых выразителей дум, чувств и настроений его поколения, как частица пережитого, незабываемого, ставшего достоянием истории.

1962 г.

Владимир Жуков

Идет литературный вечер. У рампы стоит поэт — прямой и высокий, с открытым лицом, светлыми волнистыми волосами и чуть озорными глазами. Немножко глуховатым голосом он читает свои стихи. Ему горячо аплодируют.

Это — Владимир Жуков. Его стихи, звучащие как радость и откровение, любят. Любят за щедрость сердца, за верность своим идеалам, за мужественную прямооту. Любят за умение отбросить будничную суетность и обнаружить в окружающем мире удивительную красоту, ярких людей, ростки будущего, сложную диалектику настоящего.

Мы радуемся успеху поэта, а наша мысль уходит в прошлое, в годы далекой юности. Один из нас¹ вспоминает первую встречу с ним.

Май 1939 года. Солнечные дни, буйная зелень на городских газонах и в скверах. Собравшиеся на совещание молодых писателей Ивановской области чувствуют себя приподнято: ласковая весна и окрыляющие душу надежды делают всех счастливыми вдвойне. И хотя кое-кому при разборе наших далеко не совершенных творений крепко достаётся от таких опытных писателей и поэтов, как А. Караваева, Д. Семеновский, Н. Сидоренко, В. Полторацкий, М. Колосов, А. Благов, ощущение подъема и праздничности не теряется. Юность живет надеждой...

¹ Статья написана в соавторстве с Л. А. Розановой.

